

Ю. В. Бромлей

**ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТЕЙ**

Понятие «этнос» может употребляться как в узком, так в широком значении этого слова.

В первом случае имеется в виду исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), а также сознанием своего отличия от других таких же совокупностей. В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность».

Во втором случае предполагается сочетание собственно этнических свойств с социальными (в узком смысле последнего слова, т. е. относящимися к производственной, классово-профессиональной сфере). Характер этого сочетания во многом зависит от пространственных параметров этноса: территориально однородного (компактного) или гетерогенного (дисперсного) размещения самих носителей этнических свойств. Среди однородных этнических образований особое место, несомненно, занимают образования, сопряженные с так называемыми социальными организациями, под которыми понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития (родоплеменные в первобытном обществе, социально-политические в классовом)¹. Возникающие в результате взаимопроникновения этносов и социальных организмов особые «синтетические» образования могут, на наш взгляд, быть определены как этносоциальные организмы².

Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью собственно этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим основным параметрам этноса (в узком смысле слова) на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Именно поэтому, например, мы говорим об украинцах применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам.

Что же касается этносоциального организма, то его характер зависит от принадлежности к той или иной формации. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей научной литературы последних лет выделения таких типов этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов), как племя, народность, буржуазная и социалистическая нации³.

¹ См.: Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8.

² Подробнее см.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник Академии наук СССР», 1970, № 8; его же, К характеристике понятия «этнос», в кн.: «Расы и народы», М., 1971.

³ Данная типологизация не до конца последовательна, ибо она объединяет в один тип (народность) этносоциальные организмы двух формации — рабовладельческой и феодальной, а, как уже справедливо отмечалось в литературе, это «разные типы этнических общностей» (С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 52).

Разграничение понятий «этнос» (в узком смысле слова) и «этно-социальный организм» проливает дополнительный свет на остающийся все еще дискуссионным вопрос о соотношении этнической и экономической общностей. Существующий до сих пор в нашей литературе разнобой по данному вопросу⁴, несомненно, в значительной мере объясняется смешением двух значений, вкладываемых в термин «этнос».

В самом деле, если иметь в виду этнос в узком значении слова, то, какой бы смысл мы ни придавали понятию «экономическая общность», все равно нет никаких оснований говорить, например, о наличии такой общности у одного этноса, находящегося в составе разных государств. Эта несовместимость понятий «экономическая общность» и «этнос» (в узком смысле слова) недавно убедительно продемонстрирована В. И. Козловым в специальной статье о соотношении этноса и экономики⁵.

Иное дело этносоциальный организм. Весьма показательно в данной связи, что, как правило, в нашей литературе «экономическая общность» считается важнейшим признаком такого этносоциального организма, как нация. Правда, в понятие «экономическая общность» вкладывается при этом самое различное содержание. Весьма наглядно это проявилось во время недавней дискуссии по теории наций, в ходе которой неоднократно предпринимались попытки уточнить понятие «общность экономической жизни», уже давно выступающее в нашей литературе в качестве одного из основных признаков нации. Одни участники дискуссии предлагали понимать такую общность, как «устойчивую общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)»⁶, другие — как «общность экономических связей»⁷, третьи — как «единство промышленной экономики»⁸, четвертые — просто ссылались в данной связи на «экономику»⁹, предоставляя читателям самим догадываться о вкладываемом в это понятие содержании.

Как справедливо замечает в данной связи В. И. Козлов, наличие различных точек зрения «в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью»¹⁰. И это делает необходимым рассмотрение в первую очередь вопроса о трактовке самого понятия «экономика». Как известно, оно имеет два основных значения: политэкономическое и экономгеографическое. В первом случае имеются в виду преимущественно или даже исключительно производственные отношения¹¹, то есть отношения людей друг к другу в процессе производства¹². При экономгеографическом определении под «экономикой» прежде всего подразумевается совокупность отраслей хозяйства какой-то территории (например, «экономика СССР») ¹³, народное хозяйство данной страны, данного района¹⁴.

⁴ Последний обзор соответствующих точек зрения см. в статье: В. И. Козлов, Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 47—48.

⁵ Там же, стр. 49.

⁶ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, Нации — народ — человечество, Л., 1967, стр. 12; и х же, О понятии нация, «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 45.

⁷ С. Г. Калтаханян, Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, М., 1969, стр. 190.

⁸ Г. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 109.

⁹ А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1967, № 7.

¹⁰ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 48.

¹¹ Обзор различных точек зрения по этому вопросу см.: И. И. Кузьминов, Очерки политической экономики социализма. Вопросы методологии, М., 1971, стр. 28—57.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6—7.

¹³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 48—49.

¹⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, Указ. раб., стр. 18.

Совершенно очевидно, что при экономгеографическом определении экономики понятие «экономическая общность» приложимо к любому ареалу (даже расчлененному политическими границами)¹⁵. Следовательно, оно ни в коей мере не выражает своеобразия нации по сравнению с любой другой группой людей, занимающей определенную территорию¹⁶. Не случайно сторонники трактовки «экономической общности» как «общности хозяйственной жизни», в конечном счете рассматривают последнюю как хозяйственные связи¹⁷. Но хозяйственные или экономические связи — это уже компонент производственных отношений, т. е. категория не экономгеографическая, а политэкономическая.

Если, конечно, иметь в виду этнос в узком смысле слова, то, как уже говорилось, к нему не приложимо представление о любом виде «экономической общности», в том числе «общности экономических связей». Но этнос в широком значении слова, т. е. этносоциальный организм, несомненно, обладает определенной общностью экономических связей. Правда, для разных исторических типов этносоциальных организмов степень таких связей не одинакова. Но для нации они особенно характерны.

Таким образом, казалось бы, вполне логичным сводить «экономическую общность» нации (пока мы рассматриваем лишь этот тип этносоциального организма) к «общности экономических связей»¹⁸.

Однако экономика в политэкономическом ее понимании, т. е. производственные отношения, далеко не исчерпывается экономическими связями. Ядро производственных отношений составляют, как известно, отношения собственности на средства производства. Стало быть, с позиций политэкономики «экономическую общность» следует, прежде всего, рассматривать как совокупность людей, объединенных едиными производственными отношениями. Иначе говоря, это определенная социальная целостность, состоящая из связанных производственными отношениями классов. В данной связи естественно возникает вопрос: представляет ли нация такого рода совокупность, или другими словами социально-экономическое целое?

Понимая нацию как этносоциальный организм, мы, очевидно, должны положительно ответить на этот вопрос. Даже в том случае, когда нация не имеет «своего» государства, для нее характерен определенный господствующий тип производственных отношений (например, для украинской нации в составе Российской империи конца XIX — начала XX в.). Правда, нам могут возразить, что, если нация расчленена политической границей (т. е. находится в составе других государств), ей могут быть присущи разные типы господствующих производственных отношений. Однако нам уже приходилось отмечать, что в таком случае мы имеем два этносоциальных организма и, стало быть, не одну нацию в нашем понимании этого термина, а две нации, принадлежащих к одному этносу в узком значении этого слова¹⁹.

Таким образом, «экономическая общность» нации, на наш взгляд, — это не только «общность экономических связей», но и социально-экономическое целое.

Однако «экономическая общность» нации не просто единство любых связанных производственными отношениями классов. Это, как известно, классовая структура совершенно определенного уровня — уровня капиталистической и социалистической формаций. В данной связи нельзя

¹⁵ Например, можно говорить об определенной экономической общности скандинавских стран, стран Латинской Америки, стран Тропической Африки и т. п.

¹⁶ Ср.: В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 50.

¹⁷ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, Указ. раб. стр. 14.

¹⁸ Иногда эти два понятия полностью отождествляются. Так, В. И. Козлов пишет: «Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними» (В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 51).

¹⁹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 53.

не отметить, что именно это и попытались учесть в своей трактовке «экономической общности» авторы, предложившие при ее расшифровке указывать на наличие рабочего класса²⁰. Это предложение довольно точно отражает одно из основных отличий классовой структуры нации от предшествующих ей исторических типов этносоциальных организмов. Вместе с тем, очевидно, что расшифровка «экономической общности» как «наличие рабочего класса» с точки зрения логики далеко не безупречна. Следовательно, либо необходимо помимо «экономической общности» указывать отдельно на наличие рабочего класса, как на характерную черту нации (фактически, это, собственно, и делают рассматриваемые авторы), либо понимать «экономическую общность» как определенную классовую структуру, включающую рабочий класс. Мы отдаем предпочтение последнему варианту, хотя бы потому, что в противном случае подчеркивается лишь общее в классовой структуре буржуазных и социалистических наций. В частности, при характеристике «общности экономики» или «общности экономической жизни» буржуазной нации, на наш взгляд, речь должна идти прежде всего о двух классах-антагонистах — рабочем классе и капиталистах, связанных в ее рамках единым способом производства²¹. Определяя же «экономическую общность» социалистических наций, видимо, следует указывать на два дружественных класса соответствующей формации: рабочих и крестьян²².

После всего сказанного о соотношении «экономической общности» и нации решение аналогичного вопроса применительно к остальным историческим типам этносоциальных организмов представляется достаточно тривиальным. Хотя у докапиталистических этносоциальных организмов (народности и племена) общность внутренних экономических связей значительно слабее, чем у нации (особенно у племена), тем не менее относительно этих образований можно, очевидно, также говорить, что у них имеется «экономическая общность», поскольку все они (в отличие от этносов в узком смысле слова) представляют определенную социально-экономическую целостность.

ONCE AGAIN ON THE INTERRELATION BETWEEN ETHNIC AND ECONOMIC UNITS

The controversial problem of the interrelation between the ethnic and the economic units is discussed in the article. The author stresses the point that the concept of «ethnos» may be used both in a narrow and in a wider sense. In the narrow sense it means «nationality» as an ethnic unit characterized by common stable traits of culture and ethnic selfconsciousness. In the second case the term embraces ethnosocial organisms always characterized by a certain degree of economic unity since each of them (as distinct from ethnos in the narrow sense of the term) constitutes a certain social-economic entity.

²⁰ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, Указ. раб., стр. 12, 15—17.

²¹ В частности, при такой трактовке «общности экономической жизни», вряд ли есть основания опасаться, что эта формула может дать повод думать, будто при капитализме существует общность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых (см. С. Т. Калтахян, Указ. раб., стр. 189—190).

²² Кстати, указание при характеристике «экономической общности» нации на ее классовую структуру (капиталистическую или социалистическую) делает совершенно излишним специальное упоминание о наличии промышленности.